

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 12 / 2025, Vol. 5, Iss. 12 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.511.131

¹ Ефремов Д.А.

¹ Удмуртский государственный университет

Синтаксическое управление интранзитивных глаголов в удмуртском языке

Аннотация: статья посвящена изучению глагольного управления удмуртского языка. Исследование проведено на основании анализа фактологического материала – примеров, представленных в Национальном корпусе удмуртского языка. Глаголы удмуртского языка в силу совокупности присущих им свойств способны управлять различными формами имен (местоимений), другого глагола; выделяется сильный и слабый тип управления; переходные и непереходные глаголы обладают различными сочетательными способностями. В результате проведенного исследования было выявлено отличительное свойство удмуртских интранзитивных глаголов – отдельные из них в зависимости от контекстуального окружения приобретают способность управлять аккузативом. Такое свойство глагола предлагается обозначать термином синтаксическое управление.

Ключевые слова: удмуртский язык, подчинительная связь, глагол, синтаксическое управление

Для цитирования: Ефремов Д.А. Синтаксическое управление интранзитивных глаголов в удмуртском языке // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 12. С. 34 – 38.

Поступила в редакцию: 02 ноября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

¹ Efremov D.A.

¹ Udmurt State University

Syntactic government of intransitive verbs in the Udmurt language

Abstract: this article is dedicated to the study of verb government in the Udmurt language. The research is based on the analysis of factual material – examples presented in the National Corpus of the Udmurt Language. Due to a combination of inherent properties, Udmurt verbs can govern various forms of nouns (pronouns) and other verbs; a distinction is made between strong and weak types of government; transitive and intransitive verbs exhibit different combinatory capacities. As a result of the conducted research, a distinctive property of Udmurt intransitive verbs was identified – some of them, depending on their contextual environment, acquire the ability to govern the accusative case. This property of the verb is proposed to be designated by the term syntactic government.

Keywords: the Udmurt language, subordinate connection, verb, syntactic government

For citation: Efremov D.A. Syntactic government of intransitive verbs in the Udmurt language. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (12). P. 34 – 38.

The article was submitted: November 02, 2025; Approved after reviewing: November 16, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

В современном удмуртоведении синтаксис остается одним из наименее исследованных разделов. В морфологии удмуртского языка остается много белых пятен, но, в сравнении с синтаксисом, их намного меньше. Синтаксические связи между словоформами в предложении могут быть подчинительного и сочинительного типов. Мнения ученых существенно отличаются при определении статуса словосочетания, какие категории синтагм относятся к данному понятию, несет или нет номинативную функцию, как слово; тем не менее, исследователи соглашаются с тем фактом, что подчинительная связь включает в себя, помимо других типов, в том числе и управление.

Управление также может трактоваться учеными по-разному. О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» дает следующее определение: «выбор падежной формы подчиненного слова, определяемый не данной грамматической формой подчиняющего слова (не данной его словоформой), а его свойствами как лексем» [1, с. 486]. В энциклопедическом словаре отмечено: управляющий компонент словосочетания требует постановки управляемого в определенной грамматической форме [12, с. 537]; при этом подчеркивается, что форма управляемого слова не меняется при изменении грамматической формы управляющего слова. Таким образом, постулируется тот момент, что форма управляемого слова зависит от семантики управляющего.

Материалы и методы исследований

Изучение управления удмуртских глаголов – очень важная задача, поскольку посредством подобных исследований проводится всесторонний анализ структуры глагола, широкого спектра его грамматических категорий, в том числе оригинальных, таких как модальность (нейтральная – притворная). Как и в большинстве финно-угорских языков в удмуртском языке синтаксическая функция сказуемого (выраженного глаголом) обладает большей коммуникативной значимостью, чем функция подлежащего.

Эмпирическую основу исследования составляет Национальный корпус удмуртского языка, включающий литературные произведения, газетные и журнальные публикации, научные работы, фольклорные материалы и т.д.

Результаты и обсуждения

При исследовании подчинительной связи, как правило, выделяют сильное и слабое управление. По мнению О.С. Ахмановой [1, с. 487] при сильном управлении управляющее слово требует постановки зависимого слова в определенную грамматическую форму (падежную или предложную), в то время как при слабом управлении таких словоформ может быть множество, т.е. они практически не зависят от главного слова. Довольно часто при сильном управлении слово не может быть использовано самостоятельно без сочетания с другим словом.

При сильном управлении, таким образом, между глаголом и управляемым словом должна присутствовать некая внутренняя связь, т.е. форма управляемого слова зависит от значения (семантического свойства) глагола: Диссертацизэ утемез бере Муромысь пединститутын зуч но кунсьӧр литератураосъя кафедраен кивалтӥз [8]. ‘После защиты диссертации руководил кафедрой русской и зарубежной литературы в пединституте в Муроме’. – Туж бадӥм тау тӥледлы, Ирина Максимовна, – вазиське со Четкарёвалы [8]. ‘– Спасибо вам большое, Ирина Максимовна, – обращается он к Четкаревой’. По приведенным примерам отчетливо видно, что семантическое значение глагола без своего управляемого слова было бы неполным, если бы даже данная словоформа не была представлена эксплицитно, она бы подразумевалась. Семантика глагола кивалтыны ‘управлять’ требует вопроса кинэн? маин? (кем? чем?), а вазиськыны ‘обращаться’ – кинлы? малы? (кому? чему?).

При сильном управлении, в основном, идет речь только об одной управляемой форме, но, тем не менее, таких форм может быть и несколько: – Ма, Света, оло, зэмзэ тон адямиез кионэн чӧшатӥськод? [8]. ‘– Ну, Света, ты неужели и в правду человека с волком сравниваешь?’. Анай сюлэмлэсь мае ке ватод шат? [8]. ‘Разве что-то скроешь от сердца матери’. Вунэм кырӟан сямен, уд жонды ни мыным, нош кырӟанэз ватод шат музее?! [8]. ‘Как забытая песня, не будешь уже звенеть для меня, но разве спрячешь песню в музей?! (букв. в музей)’.

Глагол чӧшатыны ‘сравнивать’ управляет сразу двумя формами – винительного и творительного падежей; другой глагол (ватыны ‘спрятать’) в одном из примеров управляет формами аблатива и аккумулятива, в другом – винительного и входного падежей. Данные словоформы конечно могут быть представлены все сразу в одном предложении, но могут фигурировать только некоторые.

В случае со слабым управлением между глаголом и зависимой формой нет обязательной связи; таким образом, в предложении глагол может быть представлен как самостоятельно, так и в сочетании с управляемой формой, при этом в обоих случаях значение слова является полноценным: – Табере мон кошко

ни, Анай, – шуи мон, сйльвирме мугорам шёдыса [8]. «– Теперь я уже пойду, Мать», – сказал я, почувствовав силы в теле’. Оломар но мыным вераз со жытэ, султйз но ёсэз шуккыса кошкиз [8]. ‘Чего только не сказал мне в тот вечер, встал и ушел, хлопнув дверью’. В данных предложениях глагол кошкины ‘уйти, уходить’ использован без какой-либо управляемой формы, при этом валентность непереходного глагола позволяет самостоятельное использование без лакун в семантике лексемы и коммуникативной составляющей предложения в целом.

В иных случаях данный глагол сочетается с разными формами, что возможно признать случаями слабого управления. Довольно часто глаголы движения, к которым относится и лексема кошкины, управляют формами локальных падежей: Собе́ре, тазалык сйзы́са, мукет палатае кошко [8]. ‘Затем, пожелав здоровья, отправляются в другую палату’. Тури кошкиз гуртысь, кытчызэ о́з вера [8]. ‘Тури ушел из деревни, не сказав – куда’. Оты́яз о́ж сюре́сьёс мукет странао́стй кошкизы [8]. ‘Затем дороги войны отправились по другим странам’. Вази, вази но, о́д ва́зы, ва́зытэ́к вóзтй́м кошкид... [8]. ‘Я молвил, молвил, но ты не ответила, молча прошла мимо меня (букв. не обратившись, ушла возле меня)’. В приведенных предложениях присутствуют формы иллатива, элатива и пролатива.

Валентность данного глагола включает довольно широкий спектр форм, в том числе, он может управлять творительным падежом и инфинитивом глагола: Эшъёсыныз чо́ш пыдын мынысал, но́ш о́гназ тй́ни велосипедэ́н кошкиз [8]. ‘С друзьями вместе пешком бы пошел, но вот отправился один на велосипеде’. Пиезлэ́сь вуэ́мзэ Олекса́н возы́маз-возы́маз но о́з чи́да ни – ужа́ны кошкиз [8]. ‘Олексан прождал приход сына и не выдержал – ушел работать’. Наряду с одной управляемой формой в предложении могут присутствовать также несколько словоформ, зависимых от глагола: Ны́ль ар ортчы́са, Тимофе́й гурта́з беры́тскиз но ва́нь се́мья́ныз горо́дэ улы́ны кошкиз... [8]. ‘Через четыре года Тимофей вернулся домой и со всей семьей отправился жить в город’. В данном предложении сразу три лексемы напрямую связаны с глаголом кошкины: управляемые субстантивы принимают формы инструменталю и иллатива, а управляемый глагол – начальную форму.

При таких широких сочетательных возможностях может возникнуть сомнение – является ли данный тип связи управлением, возможно, это примыкание. В «Русской грамматике» 1980 года выделяется отдельный вид подчинительной связи – «падежное примыкание» [11, с. 42-51], при котором к главному компоненту присоединяется предложная или падежная форма имени с определительным значением. В отношении удмуртского языка М.К. Каракулова и Б.И. Каракулов утверждают, что аналогичные случаи следует трактовать как примыкание [7, с. 75-76]. Такие случаи, тем не менее, большинство исследователей признает примерами управления, поскольку иначе глагол мог бы сочетаться с любыми словоформами, чего не происходит.

В отношении транзитивных и интранзитивных глаголов также проявляется сильное и слабое управление. К переходным относятся «глаголы со значением действия, направленного на предмет, изменяющего или производящего этот предмет – объект действия» [2, с. 220], при этом такие глаголы «сильно управляют винительным падежом» [11, с. 614]: Зо́яз ныры́сь и́к одй́гез пи́чи ныла́ш ад́зиз [8]. ‘Зою сначала увидела одна из маленьких девочек’. Анаэ́з доры́ уг и́к вуы́лы, соиз ва́нь уло́нзэ одй́г пиезлы́ гинэ́ сётй́з [8]. ‘Он даже не навещает свою мать, которая посвятила всю свою жизнь единственному сыну’. Непереходные глаголы обозначают действие, которое не направлено на какой-либо объект, т.е. они не обладают свойством транзитивности: Гу́рт вóза́мы и́к улмо́ сад бу́дэ [8]. ‘Прямо рядом с [нашей] деревней растет яблоневый сад’. Ста́канэ́ лэ́зем гра́нат сок ру́бин ка́дь пи́штэ шу́нды шо́рын [8]. ‘Налитый в стакан гранатовый сок сияет на солнце, как рубин’.

В «Русской грамматике» интранзитивные глаголы характеризуют лаконично – это те, «которые не управляют винительным (родительным) падежом» [11, с. 614]. В результате проведенного нами исследования зафиксированы многочисленные случаи изменения сущности глаголов, когда в зависимости от контекста непереходные глаголы начинают управлять аккузативом: Э́шшо ко́ня ке ва́мыш мы́нйз но ду́гдй́з, бо́дыосы́з вы́лэ пы́кья́ськи́з [8]. ‘Он сделал (букв. шел) еще несколько шагов и остановился, оперся на (свои) палки’. Бы́дэс ду́неез ва́мышъя́й ка́дь мо́н со доро́зэ те́м пеймы́т пы́ртй́, кы́дырась сй́зы́л зорьё́сты ы́мыным ку́тылы́са, – но́ш та́ни ше́дтй́ чылкы́т вуэ́н коло́дча [8]. ‘Я словно прошагал (букв. шагал) весь мир до нее сквозь сплошную темноту, хватая ртом морозящие осенние дожди, – и вот я нашел колодец чистой воды’. Милемлы́ куа́мын и́ськем пы́дын ва́мышъя́но лу́из, ага́й велосипедэ́ донгы́са нуэ́ [8]. ‘Нам пришлось пройти пешком (букв. шагать) тридцать километров, старший брат везет свой велосипед толкая’. – Ма́р то́н вера́ськиско́д, пие́, ва́нь бастэ́м уксе́ме тй́ледлы́ сётй́сько́ ук [8]. ‘– Что ты говоришь (букв. разговариваешь), сынок, все полученные [мною] деньги я ведь вам отдаю’. Детско́й ко́лони́н кы́к ар у́йй... [8]. ‘В детской колонии я жил два года...’ – Бы́дэс а́рня ке у́ййзы́, ё́рмод соосы́н! [8].

‘– Если они будут жить целую неделю, ты замучаешься с ними!’ Жыны иськем-а, иськем-а озы бызизы, нюк дуре вуизы но дугдйзы: нюк бамалэд копак лось пытыюсын пужытэмын [8]. ‘Они пробежали (букв. бежали) так полкилометра, километр, вышли на опушку леса и остановились: склон оврага был полностью покрыт (букв. украшен) лосиными следами’. Оди́г иськем ортчим-а, ём-а, эке дугдйз но сюрес дуре пуксиз [8]. ‘Один километр мы прошли или нет, мальчик остановился и сел на обочине дороги’. Проанализировав примеры, становится ясным, что данным свойством в большей степени обладают глаголы, которые сочетаются с лексемами, выражающими меру, количество, время и т.д.

По нашему мнению в подобных случаях проявляется синтаксическое управление непереходных глаголов удмуртского языка. Аналогичные способности отдельных слов менять свою валентность в зависимости от коммуникативной роли в предложении также отмечают исследователи, при этом используя разную терминологию. А.Р. Пестова на примере разговорной речи отмечает, что в силу вариативности синтаксическое управление существительных в предложении может поменяться, поскольку «на синтаксическую сочетаемость слова влияет целый ряд факторов» [10, с. 210].

Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова показывают, что в отличие от стандартных словосочетаний, которые строятся на основе лексико-грамматических свойств слова, выделяются также и иные, для которых «уровень предложенческих связей» имеет наибольшее значение, и они «возникают на основе связи между компонентами предложения» [6, с. 54]. По мнению исследователей довольно большая часть глаголов сочетается с (предложно-)падежными формами имени «на основе синсемичности, двусторонней добровольной (по мере смысловой необходимости) готовности к соединению при наличии общих сем» [6, с. 66].

Таким образом, следует говорить о разных видах управления, когда на семантическое управление (которое зависит от лексического значения слова) накладывается синтаксическое управление – глагол приобретает иные валентные возможности и / или теряет свои первоначальные сочетательные особенности.

Выводы

В удмуртском языкознании в работах, посвященных частично или полностью исследованию синтаксических связей [3, 4, 5, 7, 9], при рассмотрении подчинительной связи выделяются различные виды управления глагола, такие как сильное и слабое, падежное и послеложное и т.д., но учеными оно не расщепляется на семантическое (лексическое) и синтаксическое.

В ходе проведенного исследования нами был зафиксирован пласт интранзитивных глаголов, которые в зависимости от контекстуального окружения приобретают уникальную возможность – управлять винительным падежом имени (местоимения). Таким свойством, как правило, обладают глаголы, действие которых переходит на объект, выражающий меру, количество, время. Данные случаи нами предлагается трактовать как синтаксическое управление и подразделять глагольное управление удмуртского языка на семантический и синтаксический типы.

В отношении некоторых других частей речи удмуртского языка также проявляются аналогичные тенденции, когда коммуникативное использование видоизменяет, трансформирует в определенной степени валентность конкретного слова, но такие вопросы требуют отдельного, детального исследования.

Список источников

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2004. 576 с.
2. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина Н.И., Цапкевич В.В. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1962. 452 с.
3. Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения / под общ. ред. В.И. Алатырева. Ижевск: Удмуртия, 1970. 246 с.
4. Ефремов Д.А. Удмурт каронкылэн валтонэз = Управление глагола в удмуртском языке: словарь-справочник. Ижевск: Удмуртский университет, 2021. 161 с.
5. Ефремов Д.А. Удмурт кылын каронкылэн управленийз сярысь // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2009. № 1. С. 43 – 54.
6. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
7. Каракулова М.К., Каракулов Б.И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: учебное пособие. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2001. 215 с.
8. Национальный корпус удмуртского языка. URL: <https://udmcorpus.udman.ru/home> (дата обращения: 09.09.2025).

9. Перевощиков П.Н. Глагольные словосочетания // Словосочетания в удмуртском языке / под ред. В.М. Вахрушева, Р.И. Яшиной. Ижевск, 1980. С. 38 – 129.
10. Пестова А.Р. Именное управление в русской разговорной речи // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения: материалы докладов и сообщений международной научной конференции. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История», 2016. С. 209 – 217.
11. Русская грамматика. Синтаксис. М.: Наука, 1980. Т. 2. 709 с.
12. Языкознание: Большой энциклопедический словарь: 2-е изд. / ред. В.Н. Ярцева. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998. 685 с.

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. M., 2004. 576 p.
2. Valgina N.S., Rosenthal D.E., Fomina N.I., Tsapukevich V.V. Modern Russian language. M.: Higher School, 1962. 452 p.
3. Grammar of the modern Udmurt language: Syntax of a simple sentence. Under general. ed. V.I. Alatyreva. Izhevsk: Udmurtia, 1970. 246 p.
4. Efremov D.A. Udmurt karonkyllen valtonez = Control of verb in the Udmurt language: dictionary-reference book. Izhevsk: Udmurt University, 2021. 161 p.
5. Efremov D.A. Udmurt kylyn karonkyllen upravlez syarys. Bulletin of the Udmurt University. Series "History and Philology". 2009. No. 1. P. 43 – 54.
6. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Communicative grammar of the Russian language. M., 2004. 544 p.
7. Karakulova M.K., Karakulov B.I. Comparative grammar of Russian and Udmurt languages: textbook. Izhevsk: Udmurt University Publishing House, 2001. 215 p.
8. National Corpus of the Udmurt Language. URL: <https://udmcorpus.udman.ru/home> (date of access: 09.09.2025).
9. Perevoshchikov P.N. Verb Phrases. Phrases in the Udmurt Language. Ed. by V.M. Vakhrushev, R.I. Yashina. Izhevsk, 1980. P. 38 – 129.
10. Pestova A.R. Nominal Government in Colloquial Russian. Russian Lexicography of the 21st Century: Problems and Solutions: Proceedings of Reports and Announcements of the International Scientific Conference. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Limited Liability Company, 2016. P. 209 – 217.
11. Russian Grammar. Syntax. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 2. 709 p.
12. Linguistics: The Great Encyclopedic Dictionary: 2nd ed. Ed. by V.N. Yartseva. M.: Scientific publishing house "Great Russian Encyclopedia", 1998. 685 p.

Информация об авторах

Ефремов Д.А., кандидат филологических наук, доцент, Удмуртский государственный университет, dmitjef@mail.ru

© Ефремов Д.А., 2025